

Проводник

Учитель физики Валентин Борисович сам себе дал прозвище ещё в молодые годы – Вебер. Иначе ученики могли дать другое, например Держиморда, что Валентину Борисовичу совсем не нравилось. Потому он и упредил к себе обращение.

В этот день Вебер был очень эмоционален. Видно было, что раздел «Электромагнетизм» был ему наиболее приятен.

– Возьмём проводник, который движется в магнитном поле, – сказал Валентин Борисович. – И проведём эксперимент. Предположим, что в вертикальном однородном магнитном поле с индукцией расположен горизонтальный проводник. Он движется с постоянной скоростью перпендикулярно вектору магнитной индукции магнитного поля. Вот так, – рисовал Вебер на доске. – Если подсоединить к концам этого проводника вольтметр, то он покажет разность потенциалов на концах этого проводника. Откуда же берётся это напряжение? – повернулся учитель к классу и сам ответил: – Движение электронов в проводнике возникло в результате появления вихревого электрического поля. Когда проводник движется как единое целое, у зарядов проводника, и у положительных ионов, которые находятся в узлах кристаллической решётки, и у свободных электронов возникает скорость направленного движения.

А Серёжа не любил физику. Любил историю, особенно древнюю. Физика, химия, полагал ученик, сотканы из моделей, которые далеки от реальности. Модели атома, молекул, цифры атомных весов – кто всё это видел воочию

и на каких весах измерял? А строители вселенной пользовались висящей на полстены менделеевской таблицей?

Вот в истории людей всё чётко. Пришёл, увидел и победил.

И вот Серёжа, наблюдая за эмоциональным изложением учителя, зевнул. Да так громко получилось и так долго мальчик был с открытым ртом, что Вебер обратил на него внимание. Он не любил, когда зевают на уроке. Потому что считал это неуважением к преподавателю, который тратит свои нервы, свою энергию, здоровье на этих бестолковых, ничего не желающих в их ещё маленькой жизни учеников. Желających только играть в игры на смартфоне под партой и сидеть в социальных сетях.

Вебер, нахмурившись, спросил Серёжу:

– Понятно?

Серёжа несколько раз кивнул. Вот эта тема несложная. Вебер показывал на своих руках правило левой руки. И писал формулы на доске. И рассказывал, рассказывал о микромире элементарных частиц, который своими глазами никогда не видел.

– Понятно, – ответил честно, покраснев, Серёжа.

– Ну-ну, – классически сказал учитель и продолжил урок.

Из школы Серёжа шёл домой один. Он всегда ходил один. И друзей у него не было. Серёжа был не таким мальчиком, как другие. Не как большинство в классе или в школе. Или в стране. Он служил в храме алтарником. Это в наше-то время компьютеров и гаджетов! Да, так стало, что две тысячи лет у земли есть «соль».

– Это же так просто! – радовался Серёжа своему открытию, нашёптывая себе под нос.

По аналогии с проводником в магнитном поле – движущимся проводником, в котором возникает ток, человек должен двигаться, чтобы в нём возник ток. Какой ток?

– Обожение, – сказал громко Серёжа с ударением на втором слоге. – О-бó-же-ни-е! – почти крикнул.

Он читал об этом в какой-то брошюре, сидя в алтаре. Там было написано, что это обожение и есть цель человеческой жизни. То есть человек далеко от своего Создателя, далеко от радости, тепла, любви, о которой всё время здесь говорят. И цель людей должна быть – приблизиться к Богу, найти его. Потому что в мире нет счастья, кроме как с Богом. Удовольствия есть, а счастья нет. Но, думал тогда Серёжа, ведь после того как Спаситель родился в облике человека, исправил падшую природу людскую, страдал, воскрес и вознёс человеческое тело к престолу Отца Небесного, уже не нужно искать Бога. Вот он здесь, вот Дух Святой здесь незримо в этой красоте расписных стен, икон, ладанного благоухания. Только потрудись малость, ногами походи, руками покрестись, губами пошепчи молитвы – и в тебе возникнет подобный ток, о котором Вебер рассказывал.

Там, в брошюре, так и написано было – синергия, то есть соработничество Бога и человека.

Один дядька зашёл как-то в храм и спросил настоятеля (Серёжа слышал), почему он должен мириться с тем, что когда-то давно Адам с Евой накосячили, яблоко запретное сожрали и передали первородный грех потомкам. Вот не хочет он, дядька этот, из-за них напрягаться, стоять по три часа на службе, время своё тратить. На что настоятель ответил: мол, да, беда такая у нас существует. Мол, человек не выбирает, где родиться, когда, кем. И в каком теле. И разводил руками. Но если посмотреть с другой стороны, то вот дерево или камень бездушные или вот кот, может, хотели быть людьми, думать, говорить, но вот не родились человечками. Более того, только у людей есть свобода выбора, но главное – вечная жизнь. Тогда дядька сказал, что вечная жизнь – это

заманчиво. Задумался и добавил, что могло быть и хуже, если бы по справедливости Творец поступил, прародителей опять смял в пластилин и вылепил бы кошек и вдохнул в них дух свой. И были бы кошки вместо людей. А Он выгнал их из рая, так как в силу изменившейся природы те не могли там жить, начали болеть и умирать. Но пообещал Спасителя. Так и написано в Библии: «Семя жены сотрёт тебе главу, а ты будешь жалить его в пяту», то есть родится от девы Тот, кто победит дьявола и спасёт людей, но для этого Сам должен будет пострадать.

Посмеялись тогда они, и дядька ушёл весёлый. А потом настоятель говорил, что дядька этот к протестантам ушёл, – мол, не может он по три часа стоять на службе: ноги и спина болят. А у тех сидеть можно и песни красивые петь. А как же, рассуждал Серёжа, таинства, евхаристия? Ведь это центральное дело церковное! Стоять, сидеть...

– Стоять, – сказал Серёжа уже в храме в воскресенье, когда зашёл туда утром перед службой.

– Как? – не понял батюшка.

– Чтобы в человеке возник ток и засиял свет, нужно всё время что-то делать, – пояснил мальчик.

Священник, надевая епитрахиль, улыбнулся и сказал:

– В общем, правильно. Духовное делание угодно Богу.

На службе Серёжа был особенно старателен, памятуя о своём открытии, даже устал, ноги начали болеть.

Выходя из храма, Серёжа увидел на крыльце человека в ветхой одежде. Он стоял с протянутой рукой ради подаяния. Редкие прихожане давали ему монетку.

Серёжа не дал, так как у него не было денег.

– Бывает, одно маленькое секундное дело больше всех дел в жизни, которые годами делаются, – сказал человек.

Серёжа задумался над этой фразой, побежал в храм, спросил у бабушки десять рублей и выбежал на крыльцо. Но человека уже там не было.

Вот оно как бывает! Появится в жизни секундная возможность проявить себя, помочь кому-то, а не используешь её. Из многих лет она, эта секунда, может, самая главная в жизни, по которой Господь будет оценивать тебя. Как сказано в Писании, в чём Господь застанет, о том и судит. Так Серёжа рассуждал, когда шёл из храма. Об этом думал в школе на уроке физики, когда Валентин Борисович объяснял, что дрейфовая скорость движения электронов в проводнике очень маленькая, несколько миллиметров в секунду. А со скоростью света движется граница между электронами. Серёжа ничего не понял из этого и не смог, как ни напрягал воображение, представить эти движения. Так как же тогда человеческим умом представить ту, потустороннюю, жизнь, о которой говорит Библия?

И когда в школе был опрос учеников, кем бы они хотели стать и почему, Серёжа, скорее ради шутки, написал, что хочет быть физиком, чтобы учить детей законам Божьего мира. И чтобы придумать прибор, который освободит людей от зевоты. А зевнёшь в неправильном месте и в неположенное время – Бог тебя и застанет с открытым ртом.

Очки

– Напишем небольшой диктант, ребята, – предложила пятиклассникам учительница русского языка Елизавета Андреевна, тяжело нагнулась к своей сумке под стол, так что стул под ней заскрипел, и достала книгу в мягкой об-

ложке. Полистав её, она остановилась на одной странице и прочитала:

– «Копьё судьбы», – и спросила Сарычева: – Сарычев, какая буква на конце слова «копьё»?

Мальчик в огромных очках, сидящий на передней парте, насторожился и поднял глаза к потолку.

– На потолке ничего не написано, – сказала учительница.

– Буква Ё! – крикнула отличница Лена.

– Молодец, Леночка, буква Ё. Эту букву предложила в восемнадцатом веке директор Академии наук княгиня Дашкова. С тех пор была долгая история её ввода в русский язык. А в 1942 году во время Великой Отечественной войны нашим вождём Сталиным введена в школах как обязательная. Сарычев, – обратилась учительница к Сарычеву, – тебе нравится буква Ё?

Мальчик радостно кивнул головой.

– А мне не нравится, – скривила губы Елизавета Андреевна. – Мещанская буква, стырили то ли из французского, то ли из шведского языка. Ну, моё мнение никого не интересует. Продолжим. – И продолжила читать: – «Однако это не есть нечто само собой разумеющееся». Точка. – И тихо проговорила: – Что-то сложное я вам предложила. – И громче: – Ладно, пишем дальше. «Доказано, запятая, что Иисус, или Иешуа Га-Ноцри (то есть, дети, родом из Назарета, но это не пишем), был реальный исторический персонаж». Точка.

Елизавета Андреевна опять полистала книгу, скривила губы и сказала:

– Вот гороно заставляет теперь учить всякую хрень, ерунду то есть. Раньше, помнится, писали об осени, о том, как дети собирают урожай картошки на полях страны. О том, как празднуют день Седьмое ноября, красный день календаря.

Отличница Лена подняла руку и спросила:

– Елизавета Андреевна, а «был реальный исторический персонаж» пишем?

– Да, Леночка, это пишем, – подтвердила учительница. – И дальше пишем: «Сотник Гай Кассий Лонгин пронзил копьём ребро Иисуса, запятая, из него вытекла кровь и вода», – процитировала детям и тихо проговорила: – Дребедень какая-то. – И громче, всем: – «Копьё это сохранилось. Точка. Считается, запятая, что тот, запятая, кто будет им обладать, запятая, достигнет абсолютной власти над миром». Точка.

– Ух ты! – сказал восторженно Сарычев.

Елизавета Андреевна посмотрела на него грозно и продолжила:

– «Сотник Лонгин, запятая, по преданию, запятая, был болен глазной болезнью катарактой. Точка. И когда кровь Иисуса попала ему на глаза, запятая, то он исцелился. Лонгин стал христианским святым благодаря вере в Сына Божия». Слова «Сына» и «Божия», ребята, пишем с большой буквы, – сказала учительница и добавила: – Так принято.

Тут же прозвенел звонок.

– Что-то раньше на три минуты, – сказала учительница, взглянув на свой мобильник. – Ну и ладненько. На следующем уроке пройду по партам и проверю. Урок окончен.

Дети только и ждали этого «урок окончен», сорвались с мест и помчались из класса.

Сарычев снял очки, помассировал глаза, протёр очки платком.

– Ты, очкарик, в попе шарик, чего сидишь? – спросил обидно Гога и стукнул его по затылку, отчего Сарычев выронил на пол очки. Гога встал в позу восточного воина и замахал руками.

– Ушуист дурацкий! – сердито сказала Гоге Леночка. – Он же ничего не видит без очков. – Она подняла очки и передала Сарычеву.

Сарычев вышел из класса последним и один побрёл домой. В кустах школьного двора мальчик сломал палку и тыкал ей во всевозможные препятствия по пути домой, представляя себя властелином мира с драгоценным копьем римского легионера.

Придя домой, он первым делом нарисовал копье судьбы, как представлял его себе, и разукрасил фломастерами.

Потом он на другом листе нарисовал крест с прикопанным на нём Человеком. Рядом мальчик написал: Иисус. Потом добавил ещё букву И: Иисус. Внизу нарисовал солдата в доспехах и шлеме – такого, как видел в фильме «Спартак». Этот солдат на рисунке Сарычева пронзал грудь Иисуса, которую мальчик разукрасил красным фломастером. Картинку свою он прикрепил скотчем к стене.

Потом красным фломастером мальчик разукрасил стёкла очков. Красное на стёклах было едва заметно. Он надел очки и так делал в них уроки, так потом смотрел телевизор. Так на следующий день пошёл в школу.

На него редко кто из учеников обращал внимание, разве что когда хотел посмеяться над толстым, плохо выглядящим, в больших смешных очках мальчиком. Перед уроками Гога увидел разукрашенные очки Сарычева, сорвал их, сам надел и так, смеясь, ходил по классу. Потом вышел в коридор к другим ребятам.

Сарычев заплакал, закрылся руками и уткнулся в парту. Леночка подошла и погладила его по плечу.

– Не плачь, Сарычев! – успокаивала она. – Не обращай внимания на дураков.

Прозвенел звонок на урок, и в класс вместе с ребятами и Гогой зашёл учитель математики. Гога вместе с очками сел за свою парту.

Сарычев поднял голову и обнаружил, что хорошо видит без очков. Он поморгал, посмотрел по сторонам

и от радости даже поднял руку, вызвавшись решать уравнение у доски. Даже преподаватель, привыкший видеть Сарычева в очках, спросил его об этом. На что мальчик просто пожал плечами, не зная, что сказать.

Когда он сел на своё место, то услышал крик Гоги.

– Я ничего не вижу! – крикнул тот и кинул в Сарычева очки.

Гогу отвели в медпункт, потом вызвали скорую и увезли.

После уроков Сарычев пошёл домой с Леночкой. Она сама ему это предложила.

Дома родители обрадовались такому чудесному исцелению сына, и утром мама отвела его на приём в больницу, где лечащий врач разводил руками и не мог найти объяснение феномену.

После приёма мальчик попросил у мамы разрешения навестить Гогу. Он уже не держал на него зла, больше того, жалел его.

В палате Гога спал, и Сарычев не стал его будить, только положил на столик свой рисунок с висящим на кресте Человеком.

Через неделю Гога появился в классе. Он уже хорошо видел и первым делом подошёл к Сарычеву и пожал ему руку.

– На, это тебе, – сказал он и передал настоящий финский, красный с белым крестом ножик. Мне дядя его привёз. Дарю.

– Спасибо, – сказал Сарычев. – А тебе не жалко?

– Нормально! – отмахнулся Гога. – Я когда проснулся в палате и разглядывал твой рисунок, то сразу стал нормально видеть. Можно я его оставляю себе? Навсегда.

Сарычев согласился.

– А ты не хочешь к нам в секцию ушу записаться? – предложил Гога.

- Не знаю, я же толстый, – ответил Сарычев.
- Нормально, сразу и похудеешь, – сказал Гога.

Финский ножик Сарычев отдал Леночке, уж больно он ей понравился. А дома решил нарисовать ещё рисунки с крестом и висящим на нём Иисусом и дарить всем, кто возьмёт.

А диктант Сарычев написал на четвёрку: слово «исцелился» он написал через И. И ещё где-то забыл поставить запятую.

Макулатура

Вечером хочется гулять. Вечером, когда взрослые приходят уставшие с работы, у школьников невесть откуда появляются силы не на домашнее задание, а на войнушку, индейцев, баночки. Это мальчишеские игры, и они неведомы современным детям.

Баночки похожи на городки. Только есть водящий с палкой, охраняющий жестяную банку, которую стремятся сбить палками другие ребята. Если банка сбита, они бегут за своими лежащими на земле палками и пытаются сбить банку, которую быстро ставит водящий. При сбитой банке он невластен над игроками, не может им прикосновением палки передать «ваду».

Как-то так, коряво, автор объяснил суть игры. Зачем? А затем, чтобы был понятен конфликт между двумя десятилетними детьми. Один водящий коснулся палкой Кости, но тот начал это отрицать, – мол, касание произошло касательно, по свитеру, бросил палку и заплакал.

Некоторые ребята засмеялись.

– Ты, как тёлка, нюни распустил! – смеялся водящий Эдик.

– Сам ты тёлка, врёшь, врёшь! – сквозь всхлипы говорил ему Костя.

– Иди ты знаешь куда? – ругался Эдик.

– Куда? – кричал Костя.

– На фиг!

Костя замахнулся палкой, бросил её и попал в стоящие неподалёку «жигули». В то время автосигнализации ещё не было, и на удар палки выбежал мужчина. Ребята начали показывать на Костю и говорить, что это он кинул палку. Костя побежал, побежал за ним и мужчина. Бежали долго, минуты эти показались испуганному мальчику очень длинными. Но он, по причине молодости, сумел оторваться от мужчины, забежал в школьный сад, а там в сарае, в котором была макулатура, нырнул в дыру в стене. И притаился.

Этот пункт пионерского сбора вторсырья наполовину был завален старыми книгами, журналами, коробками. Надо заметить, что в этот сарай мальчик и раньше лазил – и не только он – листать страницы, рассматривать картинки. Интересно же вышагивать по мягким холмам пахнущей плесенью бумаги! Костя представлял себя древним Зевсом из греческой мифологии, таким вселенским «вадой». Ты можешь здесь касаться жезлом кого угодно, властвовать над выраженной в печатном слове человеческой мыслью. Ты словно стоишь на головах человеческих, выше голов. Можно их брать, подбрасывать. В книжном магазине, наоборот, ты раб книг на полках. Они смотрят на тебя, укоряют, и ты будто извиняешься, взяв книгу в руки, за своё невежество, безграмотность...

Костя сел на стопку книг. Они были без обложек, разорваны или вообще по полкниги. На одной из страниц он мельком прочитал, что писатели не любят друг друга. Достоевский не любил Тургенева, Толстой – Шекспира. И в современных союзах инженеры человеческих душ

на дух не переносят коллег. А как же, подумал Костя, они, то есть их портреты, висят вместе над доской в кабинете литературы? Наверно, ночью, когда все спят и сторож тоже спит, портреты ругаются, спорят. Надо сторожа попросить, чтобы тихонько подслушал. Костя даже от мыслей этих весёлых забыл о своей неприятности. Он даже захотел стать писателем и примирить всех коллег.

Так, сидя в тишине, пригревшись в солнечных лучах из трещин в крыше, он заснул. Ему приснилось, что из моря макулатуры в этом сарае начали вылезать люди, похожие на известных писателей, и набрасываться друг на друга, драться. Вот Пушкин взял за бороду Толстого, а тот схватил обидчика за кудри. Достоевский прыгнул на Тургенева, Лермонтов в офицерском мундире – на них обоих. Из-под книг появилось много неизвестных Косте писателей в современной одежде, которые тоже устроили побоище, бросались друг в друга книгами и журналами.

Костя крикнул им:

– Хватит! Перестаньте!

Тогда все участники битвы остановились и пошли к сидящему Косте. Костя попытался сдвинуться с места, но у него не получалось. Он закричал и, взяв не глядя толстую книгу без обложки, поднял её, чтобы бросить в писателей. Книга тут же засияла, и писатели начали проваливаться. И вот исчезли в книжных пучинах...

Костю разбудил скрип двери и разговор двух мужчин, один из которых был сторожем.

– И сильно машину повредил? – спросил сторож.

– Да нет, по стеклу лобовому попал, даже не треснуло. Зря я за ним побежал, испугал только мальчика.

– Эй, ты здесь? – крикнул сторож. – Вылазь давай, не бойся.

Костя, когда мужчины прошли дальше и увлеклись рассмотрением книг, выбежал в открытую дверь на улицу.

Пробежал немного, остановился и обнаружил, что в руке у него книга – та самая, толстая, без обложки. Он взглянул на неё и прочитал мелкий текст: «Так не будем тщеславны, не будем друг друга раздражать, не будем друг другу завидовать!» А в другом месте было красиво написано: «Любовь терпелива, любовь добра, не завистлива, не хвастлива, любовь не превозносится, не бесчинствует, любовь не себялюбива, не обидчива, не держит зла».

Костя после этих слов совсем не стал держать зла на ребят во дворе, он захотел снова пойти играть в бабочки. Но перед этим он зашёл в сарай.

– Простите меня, – попросил он прощения у водителя, который за ним бежал.

Но тот, не глядя на мальчика, листая какой-то модный журнал, махнул рукой.

– Иди домой, – сказал Косте сторож.

Костя вышел из сарая радостный. Потом зашёл снова и, подняв вверх указательный палец, серьёзно предупредил:

– Они тут все ругаются, дерутся эти писатели. Так что осторожней!

Ракета

День в сибирской тайге выдался на редкость погожий. Вот Мишка Лыков и подумал на охоту сходить, за грибами или на рыбалку. Решил съездить на рыбалку. Взял снасти, спустился к реке, отвязал лодку и поплыл. Потихоньку побросал сети, сделал круг и начал вытаскивать. Но рыбы оказалось совсем мало, несколько маленьких щучат. Мишка решил ещё раз подальше забросить. Отъехал, окунул сети и начал тащить. Сети пошли тяжело.

За корягу зацепил, будь она неладна. Медленно, чтобы сетям меньше урона нанести, мужик стал тащить. После решил: лучше к берегу плыть. Ну вытащит он корягу на лодку, а она тяжёлая, а освободить сети в лодке трудно. Так Мишка к берегу погрёб медленно и вскоре причалил к берегу. Вылез, вытащил лодку и стал тянуть сети. Ожидал вытащить из воды корягу, а увидел тяжёлый цилиндр метра два в длину и метр в диаметре. Выкатив его на берег (железный, не ржавый, зелёного цвета), он стал освобождать его от сетей.

Сосед по фамилии Фишман увидел Мишкин улов и подошёл к нему.

– Ух ты, вот так балясина! – воскликнул он. – Здорово, Мишк.

– Здорово, – нехотя сказал Мишка. – Хрен его знает, ракета вроде.

– Откуда она у нас? Может, военные учения вели? Тут всё по телику говорят, что они пуляют с подводных лодок из-под льда с Северного полюса прямо в тайгу. Вот, скорее, к нам одна и упала ночью.

– Может, – нехотя ответил Мишка.

– А вдруг она радиоактивная? – предположил Фишман.

– Всё может, – ответил Мишка.

Он освободил железку от сетей, поворочал её в надежде отыскать какую-нибудь надпись, но ничего не обнаружил.

– Чего ж такое? – озадачился.

– А может, это ступень от космической ракеты? – опять предположил Фишман.

– Может, и ступень, – сказал Мишка. – А может, и не ступень.

– Отдай мне её, Мишк, ну, не за так, конечно, за литр.

Мишка повернулся к соседу:

– Она тебе зачем? У тебя и так сарай всяким барахлом забит.

– Продам, – сказал Фишман. – Узнаю, а вдруг она ценность имеет для государства, тогда двадцать пять процентов мои.

Мишка показал соседу фигу и сказал:

– Спасибо за информацию и пошёл на фиг.

Сосед Фишман оступился даже, чуть не упал.

– Вот что ты за человек, Мишка, еврее меня будешь! – сказал он зло. – В кого такой? Может, прабабушка с заезжим декабристом нагрешила?

– Ага, – огрызнулся Мишка. – Прадедушка с кошерной водкой. Вот ты всё завидуешь, сравниваешь. А сам-то откуда взялся? Нет бы на рыбалку ездил, а то и лодки даже не имеешь.

– А я, Мишка, в рассеянии, – сказал Фишман. – Как император Тит разгромил священный город Иерусалим, так мои предки до сих мест и дошли.

– Ну так Русалим ваш давно ваш. Поехал бы к себе на историческую родину, – предложил Мишка.

– Кто бы подвёз, Мишк, кто бы довёз, – вздохнул Фишман. – А потом, что сейчас хорошего там, скоро война с Ираном будет. Персы шандарахнут такими ракетами по Земле обетованной – и будет тебе и Содом, и Гоморра.

– Да уж, – согласился Мишка. – Какая разница, где ты, главное, чтобы вот здесь, – Мишка показал на область сердца, – ты был в своей обетованной земле.

Лыков оказался гражданином правильным, сходил в поселковую администрацию и заявил о находке. Оттуда информация полетела в область и дальше в Москву. Там во всех нужных министерствах пробили по базе, но никаких траекторий, чтобы какая ракета плюхнулась в сибирскую реку, не нашли. Предположили, что или дело супостатов (а значит, проворонила ПРО), или наши скрыли свой косяк, не туда пустили. Или, может, космический мусор, или ступени ракеты. Сначала, говорят,

президент всех на уши поставил. Но, посоветовавшись с премьер-министром, решил замять это дело. В общем, никому ЧП не нужно, международный скандал во время перезагрузки с американцами – тем более. Позвонили: мол, хрен со всем, используйте свою находку в бытовых целях и помалкивайте в тряпочку.

Мишка всеми возможными способами: и болгаркой, и сваркой – пытался открыть цилиндр, разрезать, но ничего не выходило. Тогда он плюнул и отдал его Фишману за три бутылки водки. А тот тоже помыкался с этим цилиндром, тоже плюнул, жалея уже спиртное, и вкопал его на четверть в землю в своём огороде вроде кресла.

Вот однажды сидел он в этом кресле, курил и почувствовал, что цилиндр начал дрожать и нагреваться. Фишман в оцепенении ухватился за него и как сидел, так и взлетел на нём. А на том месте выгоревшая яма осталась. Правда, сам полёт никто не зафиксировал. Это жена Фишмана всем рассказала об этом полёте, – мол, она сама видела. Ну, она погоревала без мужа, как водится, даже траур поносила – и успокоилась. Мишка стал к ней захаживать всё чаще на чай. А тут пришло ей письмо из Израиля от Фишмана. Долетел, пишет, устроился официантом. Зовёт её тоже. А она то ли в шутку, то ли серьёзно ему ответ написала, что как только Мишка ещё одну ракету выловит из реки, то сразу же она на ней к Фишману пред белы очи и примчится.

Пчёлы

Как мой приятель Василий оказался в больнице в разгар страды, когда самое время до дождей связать и убрать соломенные снопы, он рассказал мне сам.

Жара стояла тогда невыносимая, небо ясное, голубое. Привезли канистру разливного пива, поставили под берёзой в теньке и время от времени утоляли им жажду. Так и работали почти голые, в одних штанах. Вот так несколько дней. А как иначе? Такая у колхозников тяжёлая жизнь – в поте лица хлебушек добывать. Это городские эффективные менеджеры, которых в новой России расплодилось больше, чем в Китае, сидят в чистых своих офисах и перекладывают бумажки. А рядом их жёны перекладывают. А недалеко и дети стали перекладывать. Принимают электронную почту, распечатывают, а потом перекладывают. Так называемая работа ради работы, видимость. Так вся страна живёт, пену вздувает. Нефть и газ по трубам качаются, доллары за них ихний президент присылает, а мы ему их назад возвращаем, вкладываем в его же экономику. И называем «золотовалютные резервы». А сами у себя пеним экономику, которая ни черта больше не производит.

С такими мыслями Василий вязал снопы, когда увидел пчелиный рой на сломанной берёзе. Несколько пчёл оторвались от роя и начали кружить вокруг головы Василия, на которой волосы только в виде бровей. Он начал отмахиваться и побежал к трактору, крикнув ребятам о привите рое.

Тогда работу остановили и привезли за литровину водки пчеловода местного. Тот окурил пчёл, поставил под рой нуклеусный ящик и стряхнул привитый рой в леток.

Ну, потом попили пива и продолжили работу.

Через некоторое время Василий, думая о том, что в России земли навалом, а захочешь конуру поставить, так власть семь шкур снимет, обнаружил ещё один рой. Водки уже пожалели и попытались уничтожить рой своими силами. А именно – палками.

Пчёлы, осерчавшие от такого гостеприимства царя природы – человека, начали с настырностью камикадзе атаковать Василия и его друзей.

Друзья, так как были ближе к трактору, успели в него залезть и закрыть дверь. А Василий не успел. И так его пчёлы покусали, бедного, что он оказался в больнице. Там уже, понятное дело, ему оказали всю помощь.

– Знаешь, Пашик, – сказал мне Василий после своей истории с пчёлами, когда я его навел в больницу, – ведь что главное-то: что все мои беды из-за мыслей умных. Вот не думал бы я о политике, об экономике страны, не переживал бы так, не было бы со мной происшествий. Я ведь в прошлые выходные, когда проснулся в хлеву рядом с поросёнком, до сих пор не понимаю, как этот хряк меня не сожрал. Больше скажу: когда встал и пошёл, то упал и разбил себе нос.

– При чём здесь тогда мысли? – спросил я, едва сдерживая смех.

– А при том, что всё началось с мысли пойти выпить, – почесал Василий свою искусанную лысую голову.

Мне крыть было нечем.

– Они, эти мысли, гады, кружат, как пчёлы над башкой, жужжат, и никуда от них не деться, – сказал Василий. – Так что, ежели есть займы стольник, ты уж одолжи на лекарство. А то тело болит от укусов, а душа – от тяжких дум. И знаешь, на ребят вот колхозных, что в трактор не пустили, я зла не держу, ведь человек слаб по природе. Зато они в больницу меня доставили. Больше скажу: чем больше зла не держу, тем меньше злых мыслей у меня возникает.

Вот и я, когда уходил из больницы хоть и с начинающейся мигренью, думал о хорошем, о том, не завести ли мне пасеку у себя в маленькой квартире. Говорят, он помогает от головы, мёд-то.

Соль

В окно алтаря храма во имя Пресвятой Живоначальной Троицы рабочего посёлка Дощатое упал утренний луч осеннего солнца. Диакон Павел, седовласый худощавый человек, готовил жертвенник и сосуды.

Зашёл алтарник Алёша.

– Батюшка ещё не пришёл? – спросил он, доставая из ризницы облачения.

– Нет ещё, – ответил диакон. – Сам волнуюсь. Никогда не опаздывал. Положи пока одежду. Без благословения, сам знаешь, мне стихарь не надеть.

Диакон приготовил всё для проскомидии и сказал алтарнику:

– Ты вот, Алёша, с какого года?

Алёша смутился.

– С... двадцать пятого, – вспоминал.

– Взрослый, двенадцать лет, а куролесишь, когда Псалтирь читаешь, – сказал диакон.

– Как это? – не понял Алёша.

– От «Кирие элейсон». «Господи помилуй» по-гречески, – пояснил диакон. – Молитва должна быть умной. Нужно вдумываться, что читаешь, а не так, лишь бы отчитать быстрее. Алексей, ты человек Божий, а молиться не умеешь.

Алёша поморщился, плечами пожал.

– Что, не сознаёшься? – спросил диакон. – А между тем смирение есть первая добродетель. Вот враг человеческий возгордился пред Богом и полетел в преисподнюю.

– Ладно, – как бы нехотя согласился Алёша. – Буду медленней.

В алтарь влетела, громко хлопнув дверью, певчая Татьяна.

– Ты что, мать, не в хлевходишь, – осадил её диакон. Татьяна, держа у рта платок, с плачем пролепетала:

– Отца Александра арестовали! Пришли военные ночью и увезли куда-то. В праздник-то Покрова Пресвятой Богородицы! Антихристы!

За Татьяной вошёл, прихрамывая, майор госбезопасности Щелин.

– Без благословения сюда нельзя! – резко остановил его диакон Павел.

– Нам ваших благословений не нужно, нас Сталин благословил, – ответил майор, погладил чёрные усы и продекларировал: – Лебедев Павел Васильевич, уроженец села Яковцево Муромского уезда, вы арестованы по обвинению в агитации против Советской власти.

– Как? – смутился диакон.

– Арестован, – повторил Щелин.

– А где санкция прокурора, ордер где? – спросил диакон.

– Вот тебе ордер. – Щелин вытащил из кобуры пистолет, помахал им. – Я сам тебя в Горький повезу. Милицейского конвоя нет. Загорского с ним увезли... А ты где был ночью?

– Мы в городе ночевали у знакомых, приехали под утро, – объяснил диакон.

– Плохо, – сказал Щелин. – Надо ещё посмотреть, что у вас за знакомые в Выксе... Скоро придёт теплоход из Москвы, на нём и поплывём.

– Но я... Мы ни в чём не виноваты, – пожал плечами диакон.

– Там разберутся. Руки давай, – сказал майор, вынимая из кармана шинели наручники.

– Мне б переодеться, – попросил диакон.

– А, ну да, валяй, – сказал Щелин. – Я буду на улице ждать, покурю.

Он вышел из алтаря, потом задумался, вернулся.

– Диакон, а ты ведь до революции жил? – спросил он. – Небось, ярым монархистом был?

– Законоучителем, – ответил диакон Павел. – Закон Божий детям преподавал.

– А есть он, закон этот? – усмехнулся Щелин. – Закон классовой борьбы – вот этот есть.

Диакон ничего не ответил.

– А чей этот ваш закон, а? – выпытывал майор.

– Бога, – ответил диакон Павел.

Щелин вспыхнул:

– А где он, Бог? Я его не вижу. В этих картинках? – Показал на иконы, подошёл к одной, стукнул кулаком. – В этой? Или в этой? Или, может, на этом столе сидит?

Щелин подошёл к престолу и попытался поднять его, но диакон не дал. Тогда Щелин выбежал из алтаря и начал сбрасывать иконы, какие поддавались, на пол. Немногочисленные прихожане переговаривались, женщины охали, но подойти побаивались. Диакон Павел постарался воспрепятствовать майору. Щелин опрокинул на него подсвечник, диакон упал. Но быстро поднялся, подсвечник поставил.

– Где он, Бог? – крикнул Щелин и выстрелил в распятие. – Всё, диакон, нет твоего Бога! – и торжественно сказал прихожанам: – Церковь за-кры-ва-ет-ся! – И, пятясь задом, вышел из храма.

Присутствующие в храме молчали, смотрели на диакона. Кто-то стал поднимать иконы. Диакон пошёл в алтарь, надел пальто, сукфью и вышел из храма.

На паперти Щелин курил папиросу и, к удивлению диакона, спокойно спросил:

– Слушай, Павел Васильевич, ты на металлургическом заводе ведь работаешь счетоводом. Да?

– Да, – подтвердил диакон. – В транспортном отделе.

– И чего, мало тебе проблем? Жил бы себе – не тужил. Зачем тебе диаконом ещё быть? Я не понимаю.

– Не поймёте, – сказал диакон. – Не всё деньгами измеряется.

Щелин махнул рукой, папиросу докурил, выбросил.

– Новая Конституция у нас какая хорошая, – сказал майор. – Впервые в мире в ней закреплено, что все равны, сословия низложены. Нет богачей. Нет эксплуататоров. Живи до пенсии, строй коммунизм и радуйся. Нет, вам надо это мракобесие! – сказал он, поглаживая усы.

– Радость, а не мракобесие.

– Какая радость?

– Радость, что Христос воплотился, умер – и воскрес, и воссел в теле человеческого одесную отца. Ради нас.

– Не понимаю логики... В общем, час тебе, – сказал майор, подумал и добавил: – Два часа. Подойдёшь ко мне. Придёт подвода из Выксы. У меня поросёнка режут дома... Всё не вовремя, эти аресты, – посетовал.

– Всегда не вовремя, – вздохнул диакон и добавил: – В вечности.

Щелин, ещё больше прихрамывая, зашагал домой, диакон тоже пошёл к себе. Жили они недалеко друг от друга, минут десять пешком.

Когда отец диакон прошёл в комнату, супруга в полосатой жилетке поливала цветы на подоконнике и, увидев его, развела руками.

– А служба что? – спросила она.

– Такой праздник, а без литургии, – тихо сказал, задумавшись, диакон.

– Что, что случилось? – взволнованно спросила женщина.

– А? – начал раздеваться диакон. – Душа моя Татьяна Васильевна, меня увозят в Горький на теплоходе. Щелин дал пару часов на сборы, – пояснил он.

– Щелин? Этот пустаный человек? – возмутилась Татьяна Васильевна.

– Он власть. Батюшку нашего Александра арестовали ночью. Вот до меня очередь дошла.

– Загорского арестовали? Павел, вы же немолодые оба, неужели совести у них нет?

– Какая совесть, мать? – усмехнулся диакон. – О чём ты... Там «тройки» судят по обвинению в антисоветской агитации.

– К расстрелу?

– Может, расстрел, может, лагерь.

Кувшин, из которого Татьяна Васильевна поливала цветы, выпал из её рук. И разбился. Диакон, уже раздевшись, подбежал к жене, осколки собрал.

– Всё хорошо, пол высохнет, – сказал он.

– Высохнет... Кувшин не склеить, – сказала Татьяна Васильевна.

– Этот не склеить. Значит, новый будет кувшин. А вода от нас никуда уже не денется, – сказал, поднимая последний осколок, диакон и добавил: – Как Дух Святой, Он всегда с нами.

Татьяна Васильевна опустилась на стул возле круглого, с разноцветной скатертью стола. Диакон сел рядом с супругой и положил свою руку поверх её рук. Шёпотом сказал:

– По слухам, перепись населения показала, что больше половины записали себя верующими. А заявили, что перепись дефектная. Якобы это её организаторы неправильно посчитали количество населения. Мол, агенты они иностранных разведок. А в декабре должны быть выборы в Верховный Совет. Может быть, власть боится, что клир может на них повлиять и народ повести против большевиков? Вот и арестовывают нас.

Татьяна Васильевна пожала плечами.

– Возможно, – согласилась она.

– А перепись-то, помнишь, была в один день, шестого января, – продолжил диакон. – Хитро как устроили. Мол, вот она, победа материализма, народ даже перед Рождеством Христовым отрекается от Бога.

– Они думали, что народ откажется от веры отцов. Просчитались! – сказала громко Татьяна Васильевна.

– Тихо, – тихо сказал диакон.

Татьяна Васильевна медленно покачала головой. Слезы выступили на её глазах. Одна слеза упала на скатерть. Отец диакон погладил это место рукой.

– Перепись была не анонимной, – сказала Татьяна Васильевна. – Это, получается, массовое исповедничество. Массовая жертвенность...

Диакон встал, к окну подошёл, сощурился. Солнце в наступившем дне, казалось, светило ярче прежнего.

– Пообедай уж перед дорогой, – предложила супруга.

– Не хочу, да и некогда... Чай завари, пожалуйста, с сахаром, и всё, – попросил диакон.

Татьяна Васильевна приготовила на кухне чай и принесла мужу в гранёном стакане в подстаканнике. Диакон отхлебнул.

– Хорош сахар, – улыбнулся.

– Что? – не поняла Татьяна Васильевна.

– Ты соли положила, Танюша.

– Как так? – опешила Татьяна Васильевна. – Эх, с горя рассудок помутился, белый и белый... Две ложки положила. Сейчас налью другого.

– Не надо, жизнь не сладка, и чай, значит, такой, – сказал диакон и быстро выпил солёный чай.

Татьяна Васильевна поморщилась при этом.

– Видишь, в жизни как, – сказала она. – Внешне и сахар белый, и соль, а сути разные.

Диакон Павел улыбнулся жене.

– Я тебе говорил ведь уже, – сказал он, отдавая стакан. – Слухи подтвердились, на днях расстреляли патриаршего местоблюстителя Петра. Вот в сентябре убит и митрополит Нижегородский Евгений Зёрнов. В Церкви осталось мало архиереев. И всё меньше, всё меньше... Ты понимаешь, что это такое? Несколько пуль – и нет её, Русской Церкви. Тысяча лет русского христианства закончится. Несколько пуль...

Отец диакон начал собираться, сложил в небольшой чемодан некоторые вещи.

– Всё равно отберут, возьму самое необходимое, – сказал.

– Господи, вот и сухари пригодились, – сказала Татьяна Васильевна.

– Да, не зря сушили. Принеси, пожалуйста.

Татьяна Васильевна ушла в сени. А когда вошла с мешком сухарей, сказала:

– За сыновьями сбегая на завод.

– Не надо, – сказал диакон. – Не отпускают их. А так прогул будет.

– Я хоть провожу на пристань.

– Хорошо, Щелина спрошу.

Диакон Павел собрался и пошёл к майору. Он шёл и смотрел на дома, на деревья, на столбы с проводами и думал, что, скорее всего, никогда не увидит свой посёлок. Он подумал, что вот эти электрические столбы похожи на кресты вдоль римских дорог. Кресты, на которых распяты мученики за веру. Диакон решил: что бы ни случилось, он будет твёрд в своей вере. И как бы к нему ни относились обвинители, он будет стараться не гневаться на них, более того, стараться любить. Диакон Павел шёл и повторял про себя слова Христа из Нагорной проповеди: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас

и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного... Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон на поприще людям...»

Диакон Павел думал, что вот пятьдесят восемь лет прожил на этом свете, полвека в православной вере, и разве один или два дня могут перечеркнуть эту жизнь? Разве несколько дней мучений могут перевесить вечность? Никак...

Войдя в незапертую дверь дома Щелина, он направился в хлев, где резали свинью.

Щелин в запачканной форме сидел на лежащем на боку оружьи хряке. Его сосед, крупный мужик, стоял рядом с ножом в руке.

– Ты чего сюда пришёл? Тебе нельзя сюда! – прокричал, глядя безумными глазами, майор.

– Почему нельзя? Здесь благословение не нужно, – сказал диакон. – Два часа прошло уже, опоздаем на теплоход.

– Испачкаешься! А теплоход без нас не уплывёт, – сказал Щелин.

Диакон вышел из хлева, в открытую дверь крикнул:

– А что не пристрелить-то животное?

– А пулю жалко! – крикнул ему в ответ майор. – Они для вас, пули-то... – И мужику скомандовал: – Бей!

Мужик сел на колени в навоз и вонзил нож в сердце хряка, повернул. Брызнула кровь. Хряк завизжал сильнее и через несколько мгновений затих.

– Столько дел, а тут с тобой возиться надо... Думаешь, мнехочется? – тяжело дышал Щелин, переворачи-

вая хряка. – Это я не поросёнку, а тебе, диакон, говорю... Февральский пленум партии ясно высказался о засевших врагах народа... А вы, церковники, они и есть. – И соседу: – Приказ НКВД номер ноль-ноль четыреста сорок семь будем исполнять, да?

Сосед пьяно ухмыльнулся.

– Разрежешь тогда, жена скажет куда и что, – наказал Щелин соседу и обернулся к диакону: – А ты, враг народа, подожди на улице, руки помою, и поедем. Вон из Выксы подвода пришла, – услышал он шум на улице.

– Супруге можно меня проводить? – спросил диакон Павел.

– Можно, – немного подумав, ответил Щелин.

Через полчаса диакон с супругой и майором Щелиным подъехали к пристани Дощатое. Подъехал на велосипеде алтарник Алёша.

У причала был пришвартован двухпалубный теплоход «Иосиф Сталин».

– Поплывём на новом теплоходе, – радовался Щелин. – В этом году выпущен в Сормове, аккурат к пуску канала Москва – Волга. Семьсот лошадей.

Диакон ничего не ответил ему. Подошёл к супруге и обнял её.

– Помнишь, в Евангелии от Матфея Господь сказал: «Ищите прежде Царства Небесного... Отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мною... Я есмь путь». Вероятно, сегодня начинается мой путь... Мой крестный путь, Татьяна.

– С Богом, – сказала она сквозь слёзы. – Помни, Павел, ты ни в чём не виноват.

– С Богом. Береги себя, – сказал он. – И вот ещё... Если что, откажись от меня.

Татьяна Васильевна покачала головой.

– Я ведь люблю тебя, – сказала она. – Как же я могу...

Отец диакон поцеловал жену, поправил выпавшую из платка прядь волос, погладил воротник её пальто и перекрестил. Она его тоже перекрестила.

Диакон пожал руку Алёше, сказал ему:

– Прощай, Алёша.

Мальчик плакал.

– Молись усердно, – наказал ему диакон.

Он поднял чемодан и пошёл по трапу на палубу. За ним, хромя, пошагал Щелин, крутя в одной руке наручники, другой глядя усы.

– Не сбежишь, Павел Васильевич? – весело спросил он.

– Куда мне бежать, по холодной воде уплыть? – не оборачиваясь, ответил диакон Павел. – Если только улечу.

Когда судно уже отплыло далеко от берега, его окружили чайки, много чаек. Они так и летали, словно ангелы, над белым теплоходом, пока вместе с ним не скрылись за горизонтом.